ЕВРОПА 13.10.2020 | Федор Лукьянов

Естественное расхождение

Россия и Запад перестали быть важными друг для друга. Отравление Навального – лишь предлог для разрыва отношений.

Данная статья также доступна на немецком языке

Спустя неполные две недели после того, как Германия официально стала единой, Норвежский Нобелевский комитет объявил о присуждении премии мира за 1990 год президенту СССР Михаилу Горбачеву. Формулировка гласила: «За ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества. В последние годы в отношениях между Востоком и Западом произошли весомые перемены».

Главным символом перемен стало именно германское объединение, так же как раздел Германии после Второй мировой надолго зафиксировал состояние холодной войны в Европе и мире. Отмечая 30-летие германского единства, мы оцениваем не только путь, пройденный за это время Москвой и Бонном/Берлином, но и итоги курса, который был задан Горбачевым. Немало признаков того, что этап, начатый тогда, завершился.

Чтобы понять то, что происходит сейчас, важно вспомнить уже относительно давние времена. Судьбоносным моментом для России (в ту пору СССР) и Германии (тогда Западной) стало формулирование в западногерманских политических кругах идеи «Восточной политики», которая затем стала основой работы федерального правительства Вилли Брандта.

Главное заключается в том, что в основе «Восточной политики» Германии находился вопрос безопасности. Конечно, и для потребителей, и для поставщиков были важны материальные выгоды от торговли газом, постоянно расширявшейся с начала 1970-х годов. Но никто даже не стал бы обсуждать этот сюжет, если бы проект не способствовал решению главной задачи – управлению военно-политическим противостоянием. Именно благодаря этому факту администрация США, с подозрением (как и теперь) относившаяся к

строительству трубопроводов с востока на запад, в итоге все же соглашалась на расширение поставок. Европейские союзники, прежде всего ФРГ, убедительно объясняли Вашингтону (даже администрации Рональда Рейгана, считавшей СССР империей зла), что союзническим обязательствам ничто не грозит, а стабильность укрепляется. (Сегодня Соединенные Штаты, как честно признался Трамп на встрече с Путиным в Хельсинки, воспринимают газопровод прежде всего сквозь призму конкуренции за европейский рынок.)

Почему это существенно сегодня? Модель отношений России и Германии и после объединения (которое стало во многом продуктом «Восточной политики», во всяком случае, она сильно ему способствовала) принципиально не изменилась. Она была основана на принципах, работавших в эпоху противостояния, хотя прежнее противостояние закончилось. Само активное содействие Москвы в объединении Германии во многом объяснялось тем, что в Кремле ожидали продолжения и развития именно прежней взаимовыгодной линии.

Но после холодной войны разрушилась стройная схема, основанная на необходимости укреплять безопасность. Американские администрации постепенно теряли интерес к двусторонним договорам в сфере стратегической стабильности. Противостояние с Россией больше не рассматривалось как стержень политики Соединенных Штатов, а любое ограничение свободы рук несвойственно американскому политическому подходу. Для Европейского союза, и Германии в частности, газовые проекты утрачивали смысл геополитического якоря. Они становились гораздо более коммерческими. А идея взаимозависимости как гаранта стабильности оспаривалась по двум направлениям. С одной стороны, появились новые страны (прежде всего Украина), заинтересованные в том, чтобы использовать свои транзитные возможности для давления на поставщиков и потребителей. С другой – после вхождения государств Восточной Европы в Евросоюзе появился диаметрально противоположный взгляд на российский газ. Эти государства рассматривали его не как залог спокойствия, а как инструмент враждебного воздействия и лоббизма.

Проблема нынешних отношений России и Запада – концептуальное исчерпание. Особенно

Логично, что сейчас в центре самой острой полемики оказался газопровод. Дело не только во вложенных средствах и приложенных усилиях. Поставки топлива в Европу, прежде всего в Германию, на протяжении полувека составляли фундамент

это видно как раз на примере России и Германии.

не только экономических, но и политических отношений. Эта модель сохранилась и в новое время, наступившее после 1991 года: Германия оставалась опорным партнером России в ЕС. Развитием этой модели служили и проекты разных «потоков», обсуждаемые с начала XXI века. Если отвлечься от коммерческих интересов, то энергетическая инфраструктура играла системообразующую роль. Сначала она удерживала от чрезмерного обострения противостояния, а потом рассматривалась как материальный каркас для строительства «Большой Европы» (что бы в разное время под этим ни подразумевалось). А эта самая «Большая Европа» представлялась в качестве естественной и даже безальтернативной геополитической и геоэкономической перспективы европейского пространства.

Проблема нынешних отношений России и Запада – концептуальное исчерпание. Особенно это видно как раз на примере России и Германии. Опыт «Восточной политики» Вилли Брандта и его продолжателей, объединения Германии при Гельмуте Коле и инициатив в духе «сближения через переплетение» Герхарда Шредера и Франка-Вальтера Штайнмайера вроде бы должны создать незыблемый фундамент. Отсюда и искреннее изумление в России по поводу того, что стремительно исчезают «особые отношения», а Берлин становится чуть ли не заводилой кампании с требованием призвать Москву к ответу. Началось это уже довольно давно, но достигло кульминации в связи с отравлением Алексея Навального, который был препровожден в берлинскую клинику «Шарите».

Но если взглянуть на курс Германии в развитии, то удивляться изменениям на российском направлении оснований нет. В политике Германии сначала доминировал тот самый вопрос поддержания безопасности (прежде всего через продвижение примирительных идей «Восточной политики»), а затем преобладающим стал интерес Германии как флагмана ЕС к экспансии европейского проекта на восток. Безопасность в прежнем понимании более не актуальна, Россия, даже если захочет, не способна составить такую угрозу Западу, которую составлял СССР. А экспансия если и не закончена, то отложена в долгий ящик. У Евросоюза слишком много задач, связанных с внутренней трансформацией, а каким он выйдет из этого

процесса, никому не известно. Последнее для Берлина настолько важно, что ради достижения приемлемого состояния европейской интеграции он готов отодвинуть долго складывавшиеся отношения с Москвой. «Большая Европа» больше не является целью.

Параллельный процесс происходит на другом берегу Атлантики. Администрация Трампа довершает демонтаж военно-политических договоров 1970-х – 2010-х годов, которые в новых условиях Вашингтон считает ненужными. Вместе с ними исчезает и стержень российско-американских контактов всех этих десятилетий. Это не означает, что с повестки дня уходит вопрос ядерного сдерживания и возможности физического уничтожения друг друга. Но совместных мероприятий для снижения угрозы, кажется, больше не планируется – каждый ведет себя так, как считает нужным. Европа вроде бы этим очень озабочена, но, приватно возмущаясь действиями США, либо фактически их поддерживает (как в случае с РСМД), либо никак не противодействует.

На протяжении 30 лет после объединения Германия, объективно наиболее сильная и влиятельная страна Евросоюза, эмансипировалась из государства с ограниченным суверенитетом в доминирующую силу ЕС. И встал вопрос о том, каково представление Берлина о формах и пределах европейского проекта, лидером которого он стал. События 2010-х годов показали, что расширение этого проекта имеет границы. Нарастающие внутренние проблемы и проявившиеся внешние ограничители (неспокойный Ближний Восток и демонстрирующая жесткость Россия) заставили очертить более скромную сферу амбиций. Намного больше усилий стали прилагать к урегулированию конфликтов внутри Союза. Соответственно, изменилась и значимость энергетической темы. С коммерческой точки зрения и в контексте надежности поставок партнерство с Россией по-прежнему существенно. А вот политически оно стало скорее бременем: трения внутри Евросоюза из-за России осложняют Берлину выстраивание взаимоотношений с рядом партнеров по ЕС.

Накануне 30-летия объединения Германии, в котором решающую роль сыграло кремлевское руководство, отношения Берлина и Москвы достигли низшей точки взаимного понимания. Российская внешняя политика на западном направлении бьет мимо цели. Несколько упрощая, можно сказать, что в ней присутствует стремление активировать (зачастую одновременно) обе прежде путеводные темы – безопасность и взаимовыгодное партнерство как способ ее обеспечить. Москва то решает напомнить Европе и США, что представляет собой значимую силовую единицу, способную при

необходимости эту силу применить. И относиться к ней надо с уважением. То предлагает сотрудничать и вместе извлекать дивиденды, используя российский экономический потенциал. Не работает ни та, ни другая линия.

Российская военная угроза воспринимается всерьез в основном в соседних странах бывшего советского блока. Они в силу возможностей стараются донести свои страхи до грандов. Но не в том смысле, что с Россией надо договориться о правилах игры, как того ожидает Москва. А как раз наоборот – с призывом дать русским максимальный отпор по всем фронтам. В крупных странах тема российской военной угрозы не вызывает такого живого отклика, хотя охотно используется как аргумент против расширения взаимодействия. Что же касается «гибридной» угрозы из России, о которой на Западе твердят не переставая, то из-за нее отношения заходят в тупик. Вне зависимости от того, реальная эта тема или мнимая, разыгрывается она в каком-то пространстве теней и полусвета. Это исключает возможности не только верифицируемых договоренностей, но даже сколько-нибудь аргументированной рациональной дискуссии.

Мир вступил в другую эпоху, когда этический и ценностный плюрализм, как бы к этому ни относились в Европе, становится всеобщей реальностью

Вариант взаимовыгодного сотрудничества, естественно, омрачается глубоким политическим недоверием, но в первую очередь упирается в восприятие России как страны с блеклыми экономическими перспективами. Здесь Россию невыгодно оттеняет Китай, который, несмотря на быстро ухудшающиеся сейчас политические отношения с США и Европой, выглядит крайне динамичным и перспективным экономическим субъектом. Россия как страна с богатыми ресурсами и достаточно крупным рынком, конечно, все равно вызывает потенциальный интерес. Однако отсутствие бурного развития, с одной стороны, и наличие растущих политических препятствий, с другой, не стимулирует желания этот интерес развивать и реализовывать.

Разговор России и Запада, важнейшим собеседником в котором является Германия, выглядит сейчас невероятно странно. Во-первых, в никуда завела тема ценностей, которая была несущей 30 лет назад. Тогда считалось, что вся Европа, включая Россию, формирует общее

ценностное пространство, и ценности эти имеют под собой западную либеральную основу. Публичные претензии к России еще с 1990-х годов заключались прежде всего в том, что она отступает от этих ценностей, демонстрируя тем самым неготовность к подлинному сотрудничеству с Европой. Можно по-разному оценивать путь, пройденный российской политикой за 30 лет, но ясно, что она ушла от тех идейных рамок, которых от нее ожидали тогда. И не вернется в них даже не потому, что ее собственная эволюция необратима, а потому что сама эта ценностная модель выходит из употребления в качестве универсальной. Мир вступил в другую эпоху, когда этический и ценностный плюрализм, как бы к этому ни относились в Европе, становится всеобщей реальностью. И в основу межгосударственных отношений не может закладываться критерий выполнения партнером того или иного набора критериев ценностного рода.

В этом смысле Россия, по сути, хотела бы возвращения к периоду, когда внутреннее устройство государств не служило предметом обсуждения с внешними партнерами. В идеале это эпоха начала «Восточной политики», первая половина 1970-х годов, еще до Хельсинкского акта, закрепившего «третью корзину», то есть права и свободы, в качестве элемента международного общения. В те времена было невозможно представить себе, что дорогостоящий стратегически важный проект наподобие «Северного потока-2» оказался бы под угрозой из-за персональной истории диссидента. Даже если диссидент вызывал симпатии на Западе.

Во-вторых, российская сторона исходит из классических схем, согласно которым, что бы ни грохотало на поверхности, есть некий конфиденциальный политико-дипломатический процесс, в ходе которого и решаются реальные вопросы. Эта ностальгия по дипломатии лучших времен постоянно наталкивается, во-первых, на отсутствие конфиденциальности как категории, во-вторых, на тот факт, что никаких реальных вопросов за кулисами никто решать то ли не хочет, то ли не может. Выплескивание на всеобщее обозрение закрытых разговоров стало общепринятой практикой. Недавний пример – публикация изложения беседы президентов России и Франции в Le Monde. Возмущение Кремля понимания в Елисейском дворце или ведомстве федерального канцлера не находит. Прежде всего потому что для западных собеседников намного важнее выстраивать свой имидж для собственной публики, чем о чем-то договориться с Москвой. Наиболее вопиющее проявление атаки внутренней политики на внешнюю – неоднократно звучавшие требования демократов в США, чтобы Белый дом полностью обнародовал переговоры Трампа с Путиным, вплоть до попыток

публично допросить переводчиков.

Приоритеты России и Германии расходятся по объективным причинам, которые усугубляются субъективными факторами

Сегодняшний диалог Запада с Россией в принципе не подразумевает договоренностей и взаимодействия. Обмен заявлениями по поводу ситуации с Алексеем Навальным являет собой спектакль, который разыгрывается даже не для зрителей, а для самих исполнителей с обеих сторон. Никакого результата здесь не может быть по определению. Сам факт того, что малопонятный и логически труднообъяснимый эпизод стал поводом для острого кризиса международного масштаба, является наглядной иллюстрацией состояния отношений России с ведущими западными державами. Иррациональность происходящего не позволяет рассчитывать на нахождение разумного и приемлемого для всех выхода из ситуации. И это не единственный случай такого рода.

На протяжении 30 лет после холодной войны отношения России и Запада продолжали (в режиме затухания) определяться шлейфом того, что было заложено в период противостояния и что хотели трансформировать в новую форму сотрудничества после него. Сейчас, однако, это закончилось, как завершилась и попытка приспособить международные институты, созданные во второй половине XX века, к реальности века XXI. Главное изменение – Россия и Запад перестали быть настолько важны друг для друга, как были в годы холодной войны, а по инерции и в течение какого-то времени после. Европа занимается собой. Соединенные Штаты – собой и противостоянием с Китаем. России необходимо переосмыслить приоритеты, чтобы выработать верную модель поведения в мире, центром которого является Азия, а наиболее значимым партнером – Китай.

Если совсем упростить картину российско-германских отношений в 2020 году, то получается следующее. Германия как главная страна Европы больше не считает приоритетом распространение европейской модели на восток. А Россия, долгое время рассматривавшая отношения с Европой как самоценные, перестает их так воспринимать, начав искать более тесных связей с Азией. Так что конкретные обстоятельства, вызывавшие нынешнее обострение, – повод, а не причина перемен. Приоритеты расходятся по

объективным причинам, которые усугубляются субъективными факторами.

Это не означает, что обратного движения никогда не будет. Россия как опорная страна Евразии, европейская по своей культуре, и Германия как наиболее мощная страна Европы, которая неизбежно будет обретать в предстоящие годы новую идентичность, снова понадобятся друг другу. Но случится это тогда, когда оформится другая модель мирового устройства, имеющая мало общего с уходящим порядком второй половины прошлого – начала этого века, органичной и неотъемлемой частью которого была «Восточная политика», ушедшая вместе с ним.

Федор Лукьянов
Москва

Федор Лукьянов (Fyodor Lukyanov) - главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.